

Анализ частотности эмоций в текстах казахской и тувинской литературы

Эльнара Ж. Мансурова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби; Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова,
Республика Казахстан,

Гульжахан Ж. Орда

Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова, Республика Казахстан,

Гаухар С. Аскарлова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Республика Казахстан

В статье представлен сравнительный содержательно-контекстуальный анализ эмоциональных проявлений в двух литературных произведениях — повести казахского писателя Акберена Елгезека «Несостоявшееся детство» и повести тувинского писателя Степана Сарыгоола «Повесть о светлом мальчике», которые рассмотрены в русскоязычных художественных переводах.

Работа основана на корпусном анализе текстов, позволяющий определить частотность употребления ключевых эмоций («страх», «грусть», «радость», «печаль», «гнев») и их контекстуальные значения. В тувинской повести выявлено доминирование лексем «страх» и «грусть», что отражает открытый и эксплицитный способ передачи эмоций, тогда как в казахской повести эмоции, такие как «радость», «страх» и «печаль», чаще передаются имплицитно, через контекст и художественное изображение.

Результаты исследования показали, что эмоциональная лексика в тувинской прозе имеет тенденцию к прямому и явному выражению чувств, тогда как в казахской прозе эмоции чаще передаются через поэтические образы и контекстные детали. Это различие обусловлено национальными традициями повествования и культурными особенностями восприятия эмоций.

Ключевые слова: тувинская литература; казахская литература; повесть; эмоциональная лексика; эмоциональное слово; сравнительный анализ

Для цитирования:

Мансурова Э. Ж., Орда Г. Ж., Аскарлова Г. С. Анализ частотности эмоций в текстах казахской и тувинской литературы // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 82-93. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.6>

Мансурова Эльнара Жолдашевна — докторант кафедры казахской литературы и теории литературы филологического факультета Казахского национального университета имени Аль-Фараби; младший научный сотрудник отдела литературы и художественной публицистики эпохи независимости Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. Адреса: Республика Казахстан, г. Алматы, 050040, пр. Аль-Фараби, д. 71; Республика Казахстан, г. Алматы, 050000, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: elochka_02.05.95@mail.ru. Научный руководитель — доктор филологических наук, доцент Г. Ж. Орда.

Орда Гульжахан Жумабердиевна — доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующая отделом литературы и художественной публицистики эпохи независимости Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050000, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: Orda_68@mail.ru

Аскарлова Гаухар Сарыбаевна — кандидат филологических наук, исполняющий обязанности ассоциированного профессора, преподаватель кафедры казахской литературы и методики преподавания имени академика С. Кирабаева Казахского национального педагогического университета имени Абая. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050010, пр-т Достык, д. 13. Эл. адрес: gauhar_8@mail.ru

Analysis of Emotion Frequency in the Texts of Kazakh and Tuvan Literature

Elnara Zh. Mansurova

Al-Farabi Kazakh National University; M. N. Auezov Institute of Literature and Art, Republic of Kazakhstan,

Gulzhakhan Zh. Orda

M. N. Auezov Institute of Literature and Art, Republic of Kazakhstan,

Gaukhar S. Askarova

Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Republic of Kazakhstan

The article presents a comparative content-contextual analysis of emotional expressions in two literary works — the novella “A Childhood That Never Happened” by Kazakh writer Akberen Elgizhek and the novella “The Story of the Bright Boy” by Tuvan writer Stepan Saryg-ool, both examined in their Russian-language literary translations.

The study is based on a corpus analysis of the texts, which enables the identification of the frequency of key emotions (“fear”, “sadness”, “joy”, “sorrow”, and “anger”) and their contextual meanings. In the Tuvan novella, there is a predominance of the lexemes “fear” and “sadness”, indicating an open and explicit mode of emotional representation. In contrast, in the Kazakh novella, emotions such as “joy”, “fear”, and “sorrow” are more often conveyed implicitly, through context and artistic imagery.

The findings of the study demonstrate that emotional vocabulary in Tuvan prose tends to express feelings in a more direct and explicit manner, while in Kazakh prose, emotions are more frequently communicated through poetic imagery and contextual nuances. This distinction is rooted in national storytelling traditions and cultural conventions of emotional perception.

Keywords: Tuvan literature; Kazakh literature; novella; emotional vocabulary; emotional word; comparative analysis

For citation:

Mansurova E. Zh., Orda G. Zh. and Askarova G. S. Analysis of Emotion Frequency in the Texts of Kazakh and Tuvan Literature. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 82-93. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.6>

MANSUROVA, Elnara Zholdashevna, Doctoral Student, Department of Kazakh Literature and Literary Theory, Philological Faculty, Al-Farabi Kazakh National University; Junior researcher, Department of Literature and Art Journalism of the Independence era, M. N. Auezov Institute of Literature and Art. Postal addresses: 71 Al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan, 71; 29, Kurmangazy Str., 050010, Republic of Kazakhstan. E-mail: elochka_02.05.95@mail.ru. Scientific supervisor — Doctor of Philology, Associate Professor O. Zh. Gulzhakhan.

ORCID: 0009-0009-5553-0897

ORDA, Gulzhakhan Zhumaberdievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher, Head, Department of Literature and Art Journalism of the Independence era, M. N. Auezov Institute of Literature and Art. Postal address: 29, Kurmangazy Str., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: Orda_68@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5930-3784

ASKAROVA, Gaukhar Sarybaevna, Candidate of Philological Sciences, Acting Associate Professor, Lecturer, Department of Kazakh Literature and Teaching Methods, Kazakh National Pedagogical University named after Abai. Postal address: 13 Dostyk ave., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan. E-mail: gauhar_8@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0688-4850

Введение

Эмоции и чувства являются неотъемлемой частью человеческого существования, формируя его духовный, культурный и социальный опыт. Данные проявления активно исследуются в ряде гуманитарных наук, включая философию, психологию, социологию и культурологию.

Несмотря на важность этой темы, исследования, направленные на анализ эмоций в лингвистике, остаются относительно редкими. Кроме того, анализ эмоций представляет интерес не только для лингвистики, но и для литературоведения, где чувства рассматриваются как важнейшее средство художественного выражения. В рамках литературного подхода эмоции исследуются не только как лексемы с аффективной нагрузкой, но и как элементы поэтики текста, способствующие созданию образной структуры, раскрытию характеров героев и реализации авторского замысла. Таким образом, эмоциональная лексика служит не только средством выразительности, но и важнейшим компонентом художественной семантики, выполняющим символическую или метафорическую функцию. Это объясняется тем, что эмоции зачастую рассматриваются как дискретная языковая категория, что ограничивает глубину их анализа по сравнению с нейронаучными исследованиями (Damasio, Carvalho, 2013: 144). В лингвистическом контексте слова, выражающие чувства, обычно изучаются как подмножество лексики с аффективной нагрузкой, которая измеряется параметрами валентности, возбуждения и доминирования. Лексиконы, ориентированные на эмоции, ограничиваются списками слов с выраженной эмоциональной окраской, привязанных к базовым эмоциям. Тем не менее, природа эмоций гораздо более многогранна и сложна, как указывают Дж. Леду и Р. Браун (Ledoux, Brown, 2017: 2), делая их важной частью осознанного опыта.

Современная лингвистика не ограничивается анализом структуры языка или его функциональных особенностей. Исследования также охватывают эмоциональный компонент языка, что связано с тем, что эмоции являются фундаментальной частью человеческой психики и менталитета. В. И. Шаховский отмечает, что язык отражает не только концептуальные, но и эмоциональные феномены. Он называет это «эмоционально-экспрессивной оценкой», которая позволяет человеку выражать свои внутренние психические состояния (Шаховский, 2008: 10).

В художественной литературе эмоции занимают ключевое место, способствуя раскрытию внутреннего мира персонажей, описанию их духовной эволюции или передаче ценностей общества. Казахская и тувинская проза уделяют особое внимание эмоциональной лексике, что отражает национальные особенности, культурные традиции и мировоззрение этих народов (Цыбенкова, 2020: 814). Следует отметить, что основные эмоции, такие как любовь, радость, страх, печаль, гнев, надежда, универсальны, встречаются во всей художественной литературе. Однако их формы художественного изображения, интерпретации и культурной регуляции существенно различаются. Именно эти особенности позволяют говорить не об уникальности эмоциональной лексики казахской и тувинской прозы, а об уникальности способов ее выражения и значении в контексте национальных литературных традиций.

Выбор казахской и тувинской прозы в качестве объекта данного исследования обусловлен недостаточной степенью разработанности данной темы в рамках казахского и тувинского литературоведения. Несмотря на то, что эмоциональная лексика составляет важную часть художественного языка, в пределах указанных национальных литературных традиций до настоящего времени не проводилось системного анализа её частотных и семантических характеристик.

Следует учитывать, что базовые эмоции — такие как радость, гнев, страх, печаль — являются универсальными и присущи всем культурам. Однако формы их языкового выражения, интерпретации и социально-культурной регуляции могут значительно варьироваться в зависимости от конкретной культурной среды. Эмоции могут преломляться через национальные нарративные стратегии, систему символов, жанровую специфику и образы, характерные для определённой литературной традиции. Как показывают современные исследования в области психологии и культурной нейронауки (Pugh, 2022: 206), восприятие и выражение эмоций культурно обусловлены и не всегда идентичны у представителей разных этносов.

Источниковая база исследования — выбранные для анализа произведения — повесть А. Елгезека «Не случившееся детство»¹ в казахской литературе и повесть С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»²

¹ Елгезек А. Не случившееся детство. Алматы: Абай, 2020.

² Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. яз. М.: Современник, 1974.

в тувинской литературе раскрывают эмоциональное состояние через призму детской психологии, передавая чувства ребенка и вызывая глубокий эмоциональный отклик у читателя.

Тексты рассматриваются в русскоязычных художественных переводах, что считается допустимым при учете ряда важных особенностей, в том числе того, что передача эмоций при переводе — одна из самых сложных задач переводчика. Эмотивные модели (лексические и синтаксические средства выражения эмоций) могут быть изменены или упрощены в переводе, что влияет на эмоциональное восприятие текста читателем перевода по сравнению с оригиналом. Несмотря на возможные искажения, анализ переводных текстов допустим и может быть продуктивным, если учитывать специфику перевода (Бройтман, 2010; Шевченко, 2022).

В повести А. Елгезека главного героя сопровождают такие чувства, как страх, надежда, тоска и печаль, основанные на жизненном опыте автора. Эти сложные эмоциональные состояния передаются посредством образного языка, внутреннего монолога и психологических деталей. Аналогично, в повести С. Сарыг-оола выражены эмоции и чувства героя: любовь к окружающему миру, стремление понять смысл жизни, ностальгия по светлому образу. Эмоциональные оттенки, характерные для тувинской культуры, передаются через языковые средства автора. Отношения между ребенком и природой, ребенком и обществом описываются художественными образами, находящими отклик в сердце читателя.

В обоих произведениях чувства и эмоции являются основными средствами художественной репрезентации. Через раскрытие внутреннего мира героев авторы также передают национальное мировоззрение и культурные коды. Таким образом, эмоции и чувства проявляются не только как психологические категории, но и как культурные и литературные феномены. Они формируют семантическую и стилистическую структуру художественного текста.

Обзор литературы

Проблематика эмоций и чувств широко изучается в различных гуманитарных дисциплинах (философии, психологии, социологии и культурологии), поскольку эмоции оказывают глубокое влияние на поведение человека, его мировоззрение и систему ценностей. В рамках психологии эмоции рассматриваются как ключевые компоненты психического состояния, определяющие адаптацию человека к окружающей среде.

Одной из классических моделей является концепция П. Экмана, который выделил шесть базовых эмоций, универсальных для всех культур: радость, печаль, страх, гнев, отвращение и удивление¹.

Альтернативный подход предложил Р. Плутчик, разработавший модель «колеса эмоций», основанную на восьми эмоциональных парах представленных в виде «колеса эмоций»: радость — печаль, доверие — отвращение, страх — гнев, удивление — ожидание (Plutchik, 2005).

Современные исследования, в частности работа А. С. Кауэн, Д. Келтнер (Cowen, Keltner, 2017), демонстрируют, что эмоциональный спектр человека значительно шире традиционно выделяемых базовых эмоций: согласно их данным, индивид способен различать по меньшей мере 27 различных эмоциональных состояний, включая сложные чувства, такие как удивление, ностальгия, гордость, романтическое влечение и стыд. Эти результаты существенно расширяют представления о природе эмоций и подчеркивают их важную роль как в межличностной коммуникации, так и в литературном дискурсе, где эмоциональные состояния выступают инструментом художественной репрезентации и средством передачи культурных кодов.

В лингвистике и литературоведении интерес к эмоциональной лексике обусловлен осознанием её значимости в выражении субъективного опыта и культурных кодов. Эмоциональная лексика рассматривается как лингвистический механизм, обеспечивающий передачу чувств, формирование авторского замысла и развитие эмпатии у читателя. Однако, как отмечают Д. Э. Леду и Р. Браун, эмоциональные состояния не сводятся исключительно к лексическим единицам они представляют собой сложные когнитивно-психофизиологические структуры (Ledoux, Brown, 2017: 2).

¹ Ekman P. Universal Emotions [Электронный ресурс] // Paul Ekman Group. 2023. URL: <https://www.paulekman.com/universal-emotions> (дата обращения: 19.06.2025).

В казахском и тувинском литературоведении внимание уделяется символике образов, мифопоэтике и социально-культурной обусловленности художественного текста. Однако системный анализ эмоциональной лексики до сих пор остаётся фрагментарным. Работы Қ. Б. Жарыкбаевой¹, Ғ. Қ. Иманалиевой (Иманалиевой, 2011), А. Я. Салчак и ее коллег (Салчак, Ахматова, Чертыкова, 2022) и М. В. Ондар² закладывают теоретическую основу для дальнейшего исследования, однако не предлагают корпусного анализа частотности и функциональных характеристик эмоциональных единиц в художественных текстах.

Исследования и словарные данные подтверждают, что чувства играют важную роль в личностном развитии, а также в познавательной и практической деятельности. Разграничение понятий «эмоция» и «чувство» позволяет глубже осмыслить их природу: эмоция — это кратковременное, сопровождающееся выразительными движениями состояние, тогда как чувство — устойчивое психическое состояние, выступающее движущей силой жизненной активности человека. Чувство формируется на основе генетических предпосылок, но развивается в социальном контексте, определяя поведение и сознательные действия индивида.

Современное языкознание всё больше акцентирует внимание на проблеме языковой репрезентации человеческого фактора. Взаимосвязь коммуникативной и когнитивной функций языка с его способностью передавать чувства позволяет глубже понять его универсальную роль как инструмента постижения мира. Язык, обслуживающий человечество, неизбежно отражает мировоззрение человека, его эмоциональные состояния, художественное восприятие, национальную идентичность. Человек живёт в обществе как биологическое, социальное, историческое и культурное существо, стремясь удовлетворить свои органические, духовные и социальные потребности. Соответственно, в зависимости от степени удовлетворения этих потребностей, у него возникают различные эмоциональные состояния (Иманалиева, 2011: 4). Читая художественные произведения, мы переживаем эти чувства вместе с героями.

Каким образом автор может выразить собственные чувства в прозе? Суть заключается в том, что развитие эмоций и чувств в поэтическом тексте является отражением отношения автора или лирического героя к миру и к собственному внутреннему состоянию. Эта связь не ограничивается психическим уровнем, она сопряжена с осознанными или неосознанными смысловыми процессами. Когда пережитый опыт автора требует художественного выражения, возникает поэтический текст. Исследователь Т. Сильман также подчеркивает, что глубина и искренность эмоции — это определяющий фактор при выборе эмпирического материала в поэзии. Иначе говоря, стихотворение отражает исключительно те чувства, которые имеют важное значение для лирического субъекта, без личного переживания которых их невозможно выразить (Сильман, 1977: 32).

Таким образом, анализ эмоциональной лексики в произведениях казахской и тувинской прозы представляет собой важное научное направление, способное восполнить существующий пробел в литературоведении и корпусной лингвистике.

Методология

В данном исследовании используются русскоязычные переводы выбранных произведений, обладающие художественной полнотой и высоко оценённые литературоведами³.

Исследование направлено на содержательно-контекстуальный анализ художественной репрезентации эмоций. Основное внимание сосредоточено на выявлении и описании эмоциональных состояний, раскрывающих чувства персонажей, их реакции на события, а также эмоциональную позицию автора.

Схема исследования включает следующие этапы:

¹ Жарыкбаев Қ. Б. *Жантану атауларының түсіндірме сөздігі* [Толковый словарь терминов психологии]. Алматы: Сөздік-Словарь, 2006. (На каз. яз.)

² Ондар М. В. Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте): дисс. ... канд. филол. н. Кызыл, 2020. С. 302.

³ Акишев Н. Необыкновенное лето / пер. с казах. яз. Алма-ата.: Жалын, 1989. С. 102; Чамьян К. Т. Свет над зимовьем: Повесть, рассказы / перевод с тувин. яз. М.: Современник, 1988. С. 316.

1. работа с текстами: полные переводы двух повестей были собраны в электронном формате и предварительно обработаны: удалены дополнительные материалы (предисловия, примечания и внешние комментарии), оставлены только основные литературные тексты;

2. выделение эмоциональных категорий: основные эмоциональные состояния (страх, радость, печаль, гнев, надежда, стыд и др.) были определены на основе типологии базовых эмоций, предложенной Р. Плутчиком. Эти категории использовались как аналитическое руководство при идентификации и интерпретации эмоционально окрашенных фрагментов;

3. Частотный и конкордансный анализ: тексты в формате PDF были обработаны с использованием программы AntConc (Laurence Anthony). В процессе анализа определялась частота появления слов и выражений, связанных с эмоциональными состояниями; проводился конкордансный анализ для выявления контекста употребления эмоционально значимых единиц; исследовались контексты ключевых слов в формате KWIC (Key Word In Context 'ключевое слово в контексте') с охватом ± 5 слов, что позволило оценить функции эмоций в структуре повествования.

Такой комплексный подход, мы считаем, позволяет не только количественно сравнить тексты по степени выраженности эмоциональных состояний, но и качественно интерпретировать культурные и художественные особенности эмоционального выражения в казахской и тувинской прозе.

Частотность использования различных типов эмоций в повести С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»

Одной из наиболее часто встречающихся эмоций переводной версии повести С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» является «страх», который играет ключевую роль и помогает глубже раскрыть внутренний мир главного героя. Слово упоминается 44 раза, при этом слово «грусть» встречается 35 раз (см. рис. 1).

Главный герой повести Ангыр-оол через описание своих детских трудностей не только раскрывает пережитые им личные испытания, но и отражает тяжелые периоды, пройденные его народом. Он сталкивается с жизненными трудностями, жестокими сторонами человеческой натуры и со смертью. В эти моменты на первый план выходят его страх, тревога и неуверенность. Страх часто изображается как противопоставление невинной, чистой душе мальчика и жестокой реальности окружающего мира. Например, когда герой сталкивается со смертью и несправедливостью, эти события передаются не только как внешние происшествия, но и через его внутренние эмоциональные переживания.

Изображение страха носит философский и символический характер — это не просто детский испуг, а глубокое эмоциональное потрясение и осмысление жизни. Страх рассматривается как часть внутреннего мира человека, его глубоких размышлений и восприятия жизни. Кроме того, через это чувство автор демонстрирует духовное развитие героя, формирование его чистой души через преодоление испытаний.

Страх Ангыр-оола проявляется в испытаниях, с которыми мальчик сталкивается в своем детстве, и становится важной частью его внутреннего мира.

Так, например, мать Ангыр-оола скончалась после продолжительной болезни. Это событие стало первым тяжелым ударом для мальчика, вызвав чувство одиночества и страха:

«...Я стоял возле мамы, а вороны с криком кружились надо мной, и кожа на моей голове съежилась от страха. Я попятился, потом повернулся и что было силы помчался прочь. Только на самой вершине горы я остановился передохнуть. День был жаркий, я сильно вспотел, но меня бил озноб и зубы стучали. Все кругом казалось мне желтым, точно в мутной воде...»¹.

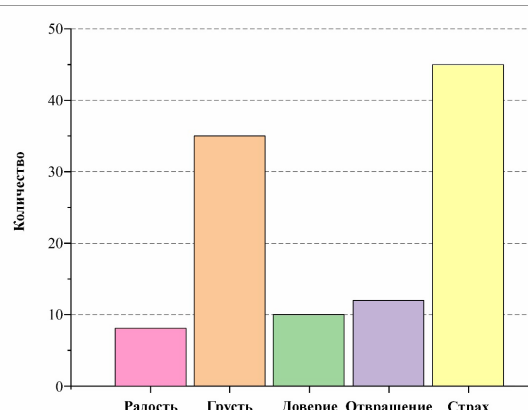

Рис. 1. Частота встречаемости эмоций в повести С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике».

Fig. 1. Frequency of occurrence of emotions in S. Saryg-ool's novel "The Story of a Bright Boy".

¹ Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. яз. М.: Современник, 1974. С. 45.

Это событие становится первым в череде несчастий Ангыр-оола. Проживая у родственников, он сталкивается с их жестокостью и несправедливостью:

«Летом всяким хозяйственным заботам я предпочитал дела вдали от дома — хоть уши от ругани отдохнут; зато если приходилось день провести в аале — чего только не услышишь! Старушки, глядя на тебя, причитают: “Ой, горе, ой, наказание божье! Ой, как тяжело смотреть на этих сирот! Встанет — сзади сверкает, сядет — грудь оголится! Ой, оммани! Ой, срам какой!»¹

Однако, в повести чувство страха представлено не только как негативная эмоция, но и как часть духовного роста и накопления жизненного опыта главного героя. Испытанные Ангыр-оолом страхи помогают ему стать сильным, стойким и справедливым человеком:

«...Я слышал их голоса и зловещий смех, сердце мое сжималось от страха. Ночами я часто кричал во сне, и меня будила бабушка.

— Тьфу, тьфу! Оммани патни хом! Хурту-хурту, сырык-сырык! — бормотала она заклинания и трясла подолом халата, будто кого-то отгоняла от юрты...»².

Таким образом, в произведении С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» чувство страха играет важную роль в описании ключевых этапов жизни главного героя. Через эти эмоции автор глубже раскрывает внутренний мир персонажа, показывая путь его духовного роста.

Для того, чтобы проанализировать контекстуальное значение всех основных эмоций в тексте, мы приводим их вместе с цитатами из текста (таб. 1).

Таблица 1. Репрезентация эмоций в повести С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»
Table 1. Representation of emotions in S. Saryg-ool's novel "The Story of a Bright Boy"

Эмоция	Цитата из текста	Контекстуальное значение
Радость	Работы не мог, а для меня любая самая тяжкая работа была <u>радостью</u> ³	Радость от труда как ценности
Печаль, разлука	...Сердце мое словно пронзили острой иглой — исчезла <u>радость</u> . Мы с Чимчаком вышли, обнявшись на прощание с каждым из наших добрых друзей по несчастью ⁴	Утрата свободы, эмоциональное прощание с друзьями
Радость	... — Ладно! — ответил я с <u>радостью</u> . Потом ко мне подошла жена дяди и сказала: — Я тоже даю тебе козу с козленком, дай и мне понюхать твою головку... ⁵	Материнская любовь, эмоциональное тепло
Страх	<u>...страх</u> и любопытство, волнение, недоумение. Я совсем забыл бабушкину просьбу помолиться за живых и мертвых... ⁶	Переход к взрослой жизни, утрата опоры
Страх	— Ах ты орленок мой! От <u>страха</u> на дереве спасешься, но в холод это самый быстрый путь к смерти! ⁷	Страх, связанный с поведением брата

¹ Там же. С. 42.

² Там же. С. 24.

³ Там же С. 224.

⁴ Там же С. 232.

⁵ Там же С. 14.

⁶ Там же С. 112.

⁷ Там же. С. 88.

Страх, гордость	...Сердце мое наполнилось гордостью: давно ли я наблюдал боевые подвиги дяди Шевер-Сарыга со <u>страхом</u> и завистью, а теперь мы бок о бок с ним будем сражаться за нашу аратскую власть!.. ¹	Смена роли: от наблюдателя к участнику событий
Удивление	— Никого у меня нет, только бычок один есть... Пришел я с той стороны... — махнул рукой. Они наперебой принялись расспрашивать меня, ничего не могли понять и <u>удивленно</u> переглянулись ²	Эмоциональный отклик на возвращение героя
Надежда	<u>Страх</u> грядущей расплаты был в моей душе, но пока все меркло перед другим чувством — <u>ожиданием</u> таинственного... ³	Ожидание перемен, эмоциональное предвкушение

Частота использования различных эмоций в повести А. Елгезека «Не случившееся детство»

Аналогично тому, как мы исследовали типы эмоций, встречающихся в повести С. Сарыг-оола, опираясь на колесо эмоций Р. Плутчика, мы также проанализировали повесть А. Елгезека «Не случившееся детство». На основе этих категорий были собраны эмоции, встречающиеся в тексте повести, проведен количественный анализ их частоты использования (см. рис. 2).

Мы выяснили, что слово «страх» в произведении встречается 44 раза, а вторая по частоте эмоция — «радость» — 18 раз.

Повесть раскрывает горькую правду детства и психологическую травму, с которой сталкивается главный герой. Эмоциональная линия «страха» в произведении является одной из ключевых, поскольку страх здесь не просто физическая реакция на угрозу, а глубокий психологический дискомфорт, вызванный чувством одиночества, брошенности и непонимания со стороны взрослых. Автор создает многослойный психологический портрет персонажа, который проходит через испытания и сталкивается с тяжелыми эмоциональными переживаниями.

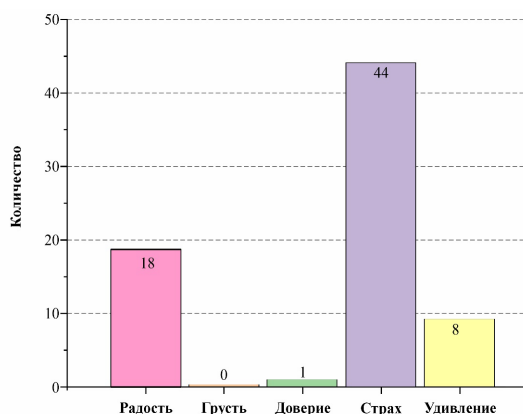

Рис. 2. Частота использования эмоций в повести А. Елгезека «Не случившееся детство».

Fig. 2. The frequency of the use of emotions in Elgizhek's novel "A Childhood That Never Happened".

В одном из эпизодов повести передаётся тоска по матери и страх расставания с ней. После смерти отца жизнь главного героя кардинально изменилась: мать решила выйти замуж повторно, и это стало поворотным моментом в судьбе ребёнка. Герой болезненно переживает новость о браке матери, воспринимая её как утрату эмоциональной близости и стабильности:

«... после смерти отца прошло два года, и мама решила выйти замуж. Не могу скрыть, что это стало для меня крайне неприятной и совершенно неожиданной новостью...»⁴

Это событие становится символическим разрывом с привычным миром, вызывая в душе ребёнка страх одиночества и тревогу перед будущим.

Потеря близкого человека, разлука с матерью становятся источником страха для ребёнка. Это событие подрывает

¹ Там же С. 276.

² Там же С. 86.

³ Там же С. 182.

⁴ Елгезек А. Не случившееся детство. Алматы: Абай, 2020. С. 56.

его доверие к миру и вызывает чувство одиночества. «...Я плакал всю ночь — то ли от страха, то ли от обиды, то ли от того, что не хотел расставаться с мамой»¹. Потеря близкого человека, разлука с матерью становятся источником страха для ребёнка. А это событие подрывает его доверие к миру и вызывает чувство одиночества.

Несмотря на глубинный экзистенциальный страх, пережитый героем, он не сломлен. Напротив, через череду эмоциональных потрясений (утрату матери, отчуждение отца, ощущение одиночества) у ребёнка формируется внутренняя устойчивость и способность к осмысленному принятию реальности. Таким образом, страх становится не только реакцией на травму, но и движущей силой взросления, способствующей внутреннему укреплению личности. Представлена обобщающая таблица эмоций, иллюстрированных цитатами из произведений и их контекстуальной интерпретацией.

Также мы представляем общую таблицу эмоций, цитат и сформулированных контекстуальных значений (таб. 2).

Таблица 2. Репрезентация эмоций в повести А. Елгезека «Несостоявшееся детство»
Table 2. Representation of emotions in Elgizhek's novel "A Childhood That Never Happened".

Эмоция	Цитата из текста	Контекстуальное значение
Радость	...Вот увидит — <u>обрадуется</u> , думал я, стоя, не открывая от <u>радости</u> сжатых глаз, по-детски прижавшись в надежде на его ласку... ²	Эмоциональная связь с матерью
Радость	 Счастье Нурзиле быть причастной к <u>радостям</u> в нашем доме объяснялось лишь тем, что она была соседкой Кэкена ³ .	Радость от пребывания рядом с близкими
Печаль	...именно в доме моего брата Бакыта прошли самые безмятежные и светлые моменты моей жизни... ⁴	Грусть из-за отсутствия брата
Страх	От <u>страха</u> ноги не слушаются, а мы словно сами помогаем шпиону убежать. — Брось ружьё! — кричит мне Тлеукеш ⁵ .	Ребёнок в опасной ситуации, внутренняя паника
Страх	От него веяло <u>пугающим холодом</u> грубой силы. Лицо его всегда хмурое, с насупленными бровями ⁶ .	Образ отчима как источника угрозы
Гнев	Дедушка уже был не таким, как прежде — всё чаще словно оседлав чёрного жеребца <u>гнева</u> , он не давал нам ни покоя, ни передышки ⁷ .	Гнев деда, авторитаризм старшего поколения

¹Там же. С. 43.

²Там же. С. 31.

³Там же. С. 21.

⁴Там же. С. 9.

⁵Там же. С. 48.

⁶Там же. С. 25.

⁷Там же. С. 57.

Сопоставительный анализ художественного выражения эмоций

Мы выделили в рассматриваемых произведениях эмоционально окрашенную лексику, связанную с такими ключевыми эмоциональными состояниями, как радость, страх, печаль, гнев, надежда и др. Затем эмоции были рассмотрены в количественном выражении, выделены преобладающие. Приведены контекстуальные значения основных эмоций.

Сопоставительный анализ показывает существенные различия в эмоциональном наполнении двух произведений, обусловленные культурными контекстами, нарративными стратегиями и поэтикой национальных литературных традиций.

Интересно отметить, что в повести С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» преобладают эмоциональные мотивы, формирующие героико-коллективистскую модель восприятия мира. Радость в повествовании зачастую ассоциируется с трудовой деятельностью, преодолением жизненных трудностей, чувством принадлежности к коллективу и признанием со стороны окружающих. В свою очередь, страх представлен как реакция на вступление в новую социальную роль, связанную с взрослением, ответственностью и необходимостью следовать общественно значимым нормам. Эмоции в тексте играют ключевую роль в построении ценностной системы, где личные чувства подчинены идеалам долга, служения и преданности коллективу. Подобная эмоционально-нравственная иерархия репрезентирует тувинскую нарративную традицию, в которой герой — будь то ребёнок или взрослый — формируется как часть сообщества и носитель его морального кода. Эта установка восходит к структурным особенностям тувинского героического эпоса, о чём писал ещё Л. В. Гребнев, отмечая органическую связь народных эпических текстов с национальной идеей коллективизма, патриотизма и духовного служения (Гребнев, 1957). Эти ценности сохраняются и в современной прозе, в частности, в произведении С. Сарыг-оола, где образ героя вписывается в рамки культурного идеала. Подобная художественная репрезентация демонстрирует преемственность традиционных представлений о нравственном облике личности, основанных на самоограничении, уважении к старшим и служении обществу как ключевых ориентирах тувинской коллективной идентичности (Ламажаа, 2018).

Тем временем в повести А. Елгезека «Несостоявшееся детство» доминируют индивидуально окрашенные эмоции, акцентирующие внимание на глубокой психологизации повествования. Особое значение придаётся отношениям с матерью, переживаниям одиночества, стыда, страха и надежды, возникающим вследствие утраты родительского тепла. Эти эмоциональные состояния раскрываются через внутренний диалог героя, обращённый к самому себе и своему прошлому, что придаёт тексту автобиографическую окраску. Указанная художественная стратегия укладывается в более широкий контекст развития казахской прозы периода независимости, для которой характерно усиление интереса к внутреннему миру личности, исследование травматического опыта детства и ориентация на исповедальную форму повествования. Как подчёркивает А. Б. Темирболат, в постнезависимой литературе наблюдается отход от коллективного героизма к субъективно-психологическому измерению личности, где центральным становится голос самого героя и его внутренние переживания (Темирболат, 2023). Такой подход соответствует характерным тенденциям современной казахской прозы: усиленному акценту на субъективной перспективе, глубокой личностной рефлексии и автобиографичности (Алтынбаева, 2011).

Важно отметить, что в ряде литературоведческих исследований подчёркивается характерная для казахской прозы постнезависимого периода тенденция к интеграции «внутренней речи», автобиографических мотивов и глубокого психологического самонаблюдения как ведущих приёмов повествования. В частности, А. Тоқсамбаева обращает внимание на усиление субъективной перспективы в прозе этого периода, акцентируя значимость внутренних монологов, рефлексии и переживаний как основного способа раскрытия характера героя и построения повествовательной структуры (Тоқсамбаева, 2022). Таким образом, эмоциональная палитра «Несостоявшегося детства» органично вписывается в универсум психологически ориентированной, автобиографической традиции современной казахской литературы.

Отличия в эмоциональной выразительности двух текстов демонстрируют культурно обусловленные модели эмотивности: в тувинской литературе преобладают мобилизующие и героические, эмоциональные установки, тогда как казахская проза акцентирует внимание на рефлексивном осмыслении личных переживаний и эмоциональной компенсации.

Заклучение

Мы исследовали особенности эмоциональной репрезентации в казахской и тувинской прозе на материале повестей Акберена Елгезека и Саяна Сарыг-оола. Корпусный подход и контекстуально-содержательный анализ позволили проследить различия в эксплицитности и имплицитности выражения эмоций, а также выявить, как эмоциональная лексика соотносится с национальными повествовательными традициями.

Обнаруженные особенности свидетельствуют о том, что репрезентация эмоций в литературе формируется не только на уровне языка, но и определяется глубинными культурными механизмами: нарративными стратегиями, жанровыми особенностями и семиотикой конкретной традиции. В казахском тексте эмоции часто носят рефлексивный характер и передаются через внутренние образы и символику, тогда как в тувинском — приобретают героико-социальное звучание и выражаются открыто, что отражает специфику коллективного сознания.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ текстов уже на языке оригиналов, на расширение материала за счёт других тюркских литератур, а также на привлечение психологических и этнокультурных моделей интерпретации эмоций в художественном дискурсе. Это позволит углубить понимание эмоциональной поэтики и её связей с культурной идентичностью народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтыбаева, С. М. (2011) Современная казахская проза (анализ, интерпретация, постижение). Алматы : «Ұлағат» КазНПУ им. Абая. 127 с.
- Гребнев, Л. В. (1957) О народности тувинского героического эпоса // Ученые записки. Вып V. / отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл : Тув. НИИ яз., лит. и истории. С. 159–177.
- Иманалиева, Ф. Қ. (2011) Қазақ тіліндегі эмоционалды құрылымдар [Эмоциональные структуры в казахском языке]. Алматы : Қазақ университеті. 255 б. (На каз. яз.).
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. : СПб. : Нестор-История. 240 с.
- Салчак, А. Я., Ахматова, М. А., Чертыкова, М. Д. (2022) Средства выражения эмоции страха в тюркских языках // Новые исследования Тувы. № 2. С. 224–238. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.16>
- Сильман, Т. Л. (1977) *Записки о лирике*. Л. : Ленинградское отделение изд-ва «Советский писатель». 224 с.
- Темирболат, А. Б. (2023) Особенности развития казахской прозы в период независимости // Keruen scientific journal. № 1. Т. 78. С. 24–37. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-02>
- Тоқсамбаева, А. О. (2022) Қазіргі қазақ прозасының көркемдік ерекшелігі [Художественные особенности современной казахской прозы] // Вестник Евразийского гуманитарного института. Вып. 3. С. 188–196. (На каз. яз.) DOI: <https://doi.org/10.55808/1999-4214.2022-3.18>
- Цыбенова, Ч. С. (2020) Средства выражения эмотивности в тувинском языке (на примере деминутивов) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Т. 30. Вып. 5. С. 813–819. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-5-813-819>
- Шаховский, В. И. (2008) Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис. 416 с.
- Cowen, A. S., Keltner, D. (2017) Self-report captures 27 distinct categories of emotion bridged by continuous gradients // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 114. Issue 38. P. E7900–E7909. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1702247114>
- Damasio, A., Carvalho, G. B. (2013) The Nature of Feelings: Evolutionary and Neurobiological Origins // Nature Reviews Neuroscience. Vol. 14. Issue 12. P. 143–152. DOI: [10.1038/nrn3403](https://doi.org/10.1038/nrn3403)
- Ledoux, J. E., Brown, R. (2017) A Higher-Order Theory of Emotional Consciousness // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 114, Issue 10. P. E2016–E2025. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1619316114>
- Plutchik, R. (2005) Emotions and Life: Perspectives from Psychology, Biology, and Evolution // American Psychological Association. Vol. 162. Issue 2. P. 409–410. DOI: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.162.2.409>
- Pugh, Z. H., Choo, S., Leshin, J. C., Lindquist, K. A., & Nam, C. S. (2022) Emotion depends on context, culture and their interaction: Evidence from effective connectivity // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. Vol. 17. Issue 2. P. 206–217. DOI: <https://doi.org/10.1093/scan/nsab092>

Дата поступления: 09.04.2025 г.

Дата принятия: 30.06.2025 г.

REFERENCES

- Altybayeva, S. M. (2011) *Modern Kazakh Prose: Analysis, Interpretation, Comprehension*. Almaty, "Ulagat" Abai Kazakh National Pedagogical University. 127 p. (In Russ.)
- Grebnev, L.V. (1957) On the Popular Nature of the Tuvan Heroic Epos. *Uchyonye zapiski*, vol. V. Ed. by N. A. Serdobov. Kyzyl, Tuvan Scientific Research Institute of Language, Literature and History. Pp. 159–177. (In Russ.)
- Imanalieva, G. K. (2011) *Emotional Structures in the Kazakh Language*. Almaty, Kazakh University. 255 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2018) *The National Character of the Tuvans*. Moscow; St. Petersburg, Nestor-History. 240 p. (In Russ.)
- Salchak, A. Ya., Akhmatova, M. A. and Chertykova, M. D. (2022) Means of Expressing the Emotion of Fear in Turkic Languages. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 224–238. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.16>
- Silman, T. L. (1977) *Notes on Lyrics*. Leningrad, Leningrad Branch of the Publishing House "Soviet Writer". 224 p. (In Russ.)
- Temirbolat, A. B. (2023) Features of the Development of Kazakh Prose in the Period of Independence. *Keruen*, vol. 78, no. 1, pp. 24–37. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-02>
- Toqsambayeva, A. O. (2022) Artistic Features of Contemporary Kazakh Prose. *Vestnik Evraziiskogo gumanitarnogo instituta*, no. 3, pp. 188–196. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.55808/1999-4214.2022-3.18>
- Tsybenova, Ch. S. (2020) Means of Expressing Emotivity in the Tuvan Language (Based on Diminutives). *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, vol. 30, no. 5, pp. 813–819. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-5-813-819>
- Shakhovskiy, V. I. (2008) *Linguistic Theory of Emotions*. Moscow, Gnosis. 416 p. (In Russ.)
- Cowen, A. S. and Keltner, D. (2017) Self-report captures 27 distinct categories of emotion bridged by continuous gradients. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 114, issue 38, pp. E7900–E7909. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1702247114>
- Damasio, A. and Carvalho, G. B. (2013) The Nature of Feelings: Evolutionary and Neurobiological Origins. *Nature Reviews Neuroscience*, vol. 14, issue 12, pp. 143–152. DOI: <https://doi.org/10.1038/nrn3403>
- Ledoux, J. E., Brown, R. (2017) A Higher-Order Theory of Emotional Consciousness. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 114, issue 10, pp. E2016–E2025. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1619316114>
- Plutchik, R. (2005) Emotions and Life: Perspectives from Psychology, Biology, and Evolution. *American Psychological Association*, vol. 162, issue 2, pp. 409–410. DOI: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.162.2.409>
- Pugh, Z. H., Choo, S., Leshin, J. C., Lindquist, K. A., and Nam, C. S. (2022) Emotion depends on context, culture and their interaction: Evidence from effective connectivity. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, vol. 17, issue 2, pp. 206–217. DOI: <https://doi.org/10.1093/scan/nsab092>

Submission date: 09.04.2025.

Acceptance date: 30.06.2025.